

АНТИАДА

ИРА МОЛЧАНОВА

Ирина Сергеевна Молчанова

Антиада

«Автор»

2019

Молчанова И.

Антиада / И. Молчанова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-09994-4

Художница Ада, пережив клиническую смерть, начинает слышать голос и тот утверждает, что находится по ту сторону жизни в мире, куда возвращаются души. Она решается беседовать с ним на тему бессмертия, а метафизик Аронов намерен через реальные опыты доказать, что после смерти тела жизнь не завершается. Учёный готов подвергнуть опасному эксперименту человека, который уже имел опыт сближения со смертью. Смотритель вынужден прекратить общение с Адой, но при этом продолжает следить за её земным пребыванием.

ISBN 978-5-532-09994-4

© Молчанова И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	16
Глава 10	17
Глава 11	19
Глава 12	20
Глава 13	21
Глава 14	22
Глава 15	23
Глава 16	24
Глава 17	25
Глава 18	27
Глава 19	28
Глава 20	29
Глава 21	31
Глава 22	32
Глава 23	33
Глава 24	34
Глава 25	35
Глава 26	36
Глава 27	37
Глава 28	38
Глава 29	39
Глава 30	40
Глава 31	42
Глава 32	43
Глава 33	44
Глава 34	45
Часть 2	46
Глава 1	46
Глава 2	47
Глава 3	48
Глава 4	49
Глава 5	50
Глава 6	51
Глава 7	52
Глава 8	53
Глава 9	54

Глава 10	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ирина Сергеевна Молчанова

Антиада

Предисловие

*Они искали её повсюду.
Она была так близко.*

Земная жизнь бесспорно дар. Но кто его дал? Кто-то свыше? То есть, кто-то создал планету со всем многообразием видов и сделал её такой, какая она есть в глазах человека.

Люди издавна создавали богов, чтобы верить в могущественную силу, управляющую всеми процессами. Отчасти они были правы. Не человек управляет планетой и процессами жизнеобеспечения. Есть что-то таинственное и указывающее на вмешательство великой силы, и проявляется оно в ДНК, определяющим практически все характеристики материального тела.

Но есть что-то внутри тела, ответственное за жизнь. Как будто в нужный момент нажимается кнопка, и тело остается без чего-то обеспечивающего жизнь. Возможно, это душа. Есть ли она? На сегодняшний день некоторые ученые приходят к мысли, что – да. Но, есть противники этого мнения. И каждая сторона конфликта имеет собственные доводы, противоречащие доказательствам оппонента.

В своем романе я не касаюсь вопросов религиозных мировоззрений. Хочется верить в продолжение жизни. Верить в истоки её сотворения. Того, кто за ним стоит.

В романе я привожу реальный пример столкновения человека с клинической смертью и свидетельства того, что наш мир соприкасается с другим миром, возможно тем, куда уходят души.

Черпая информацию по теме романа в сети Интернет, я неоднократно наталкивалась на комментарии пользователей различных сайтов, выдвигающих также теорию об уровнях того мира, куда уходят души.

Представление о том, каким может быть тот мир, строилось на основании моей фантазии. Они не отвергают версию рая и ада, просто в романе представлен тот мир многоуровневым. И технологическим. И там не будет легче, чем здесь. Разве что там не может быть насилия и аморальности.

Надеюсь, что роман придется по вкусу любителям философии и отчасти мистики.

Часть 1

Глава 1

Сбой. На табло кричаще смотрелось слово, выделенное ярким цветом.

В комнату с погруженной направился Смотритель. Не спеша. Спокойно. Ситуация вышла из-под контроля не до такой степени, чтобы он терял самообладание.

По коридору в схожем темпе передвигались другие смотрители. На первый взгляд они казались двойниками друг друга. Фигуры и форма одежды и в самом деле были типичными. Разве что черты лица несколько отличались. Не разительно. В достаточном объеме для сохранения индивидуальности и для подавления эгоцентризма.

Он вошел в комнату под номером, присвоенным погруженной. Внутри тихонько пищало оборудование. Изредка мигали лампочки на мониторе контроля за телом. Монитор души не подавал сигналов, свидетельствовавших о нарушениях.

На пульте вошедший нажал комбинации клавиш, и сигналы аппаратуры затихли. Комната наполнилась тишиной, и он расположился поодаль от тела погруженной, чтобы передохнуть.

Глава 2

Крик, раздававшийся из динамика телефона, резал по ушам, и она хотела нажать отбой, но посчитала, что обязана выслушать тираду клиентки.

– Ада, я же договаривалась с вами на два часа. Как же так? Вы совсем не уважаете клиентов. Как вы работаете, не понимаю. Если бы не ваш талант, я бы вычеркнула ваш телефон. Ладно, молчите, значит, понимаете, что виноваты. Завтра я приду в студию. В это же время.

Телефон небрежно отправился на пол. Она проспала всю ночь и утро, как убитая. Вечер в ночном клубе выветрился из памяти. Она и не собиралась вспоминать детали. Они были лишними. Не существенными.

Поднявшись с матраса, лежавшего прямо на покрытом пылью полу, рыжеволосая девушка потянулась. Короткая разминка вытеснила из тела остатки странного сна. Надев любимые дранные джинсы и растянутый свитер, она отправилась в уголок студии, отведенный под зону для приема пищи. Электрочайник своевременно удовлетворил её потребность в растворимом кофе.

Зеленые глаза Ады наткнулись на полотно. Единичные мазки заставили поморщиться. Меньше всего октябрьскими днями хотелось работать на клиента. То ли дело рисовать эскизы города, погружающегося в осеннюю хандру. Если бы не потребность в деньгах, она бы осуществляла мечты. Но она полностью соответствовала образу художника: бездомная и безденежная. Хорошо, что студию удалось арендовать по дешевке, а так бы мыкалась по друзьям, которых успела собой напрячь.

Допив подобие бодрящего напитка, она приблизилась к полотну. Рисовать то, что заказала клиентка, не возникало желания. Вкус особы, готовой платить дикие деньги за несурящицу напрягал. Ни цветное решение, ни композиция не отвечали тому, что желала изображать художница. А ведь заказчицу впечатлили работы Ады, ставшие визуализацией её видения мира. Повернувшись в сторону картин, украшавших студию, она позволила себе полюбоваться силуэтами утонченных девушек, представленных серыми тонами на грязно белом фоне.

«Ладно. Будем мазать бумагу твоей фантазией»: Ада дала себе установку и врубила на всю катушку громкость плеера с рок-композициями любимой группы Three Days Grace.

Шесть часов неотрывной работы сковали мышцы спины и шеи. Зажмурившись от дискомфорта, она отошла от полотна на пару метров. Сносная абстракция требовала доработки.

«Завтра. А теперь на поиски еды»: чувство удовлетворения от частично выполненной работы успокаивало. Возможно, она получит гонорар. Его хватит как обычно, на пару недель.

Не желая думать о будущем, пускай и краткосрочном, она вышла из студии, закрыла дверь и направилась в ближайшее кафе с приемлемой ценовой политикой.

Глава 3

Эхо в пустом доме звучало зловеще. Владелица элитной недвижимости расхаживала по комнатам, впадая в уныние. Идеально покрашенные белые стены угнетали. Она чувствовала холод. Тот касался её кожи и оставлял на ней раны. Ей требовалось заретушировать это ощущение. И даже идея имелась, но вот художница не спешила.

«Наркоманка что ли. Неужели нельзя поспешить?»: молодая женщина злилась на любого, кто доставлял ей неудобства.

А это происходило все чаще. Работа адвокатессы не прибавляла спокойствия. Расшатанные клиентами нервы не воспринимали поводов для радости. Жених тоже не умел вносить приятное разнообразие. Богатый и заиклившийся на здоровом образе жизни, он казался идеальным кандидатом на роль мужа, но был настолько скучным, что будущая совместная жизнь грозила хронической тоской. И все это она хотела разбавить яркими картинками. И разбавит. Если художница начнет бузить, она знает, как повлиять на неё. Перед силовыми методами, ещё никто не мог устоять. А такие, как эта особа и подавно.

Отвлекаясь от персоны безалаберной исполнительницы, она принялась злиться на риелтора, удружившего ей машину, а не уютный дом. Как превратить двухэтажный гигант в нечто комфортное и теплое, она терялась предположить. И снова на помощь пришел образ художницы.

Глава 4

- Не боишься? – в прищуренных глазах брюнетки сквозила насмешка.
- Чего? – казавшаяся самой себе достигшей всех возможных вершин молодая женщина оскорбилась. Милана смотрела на подругу взглядом, переполненным недоумения.
- Вдруг твоего Артура уведет, – пояснила Настя.
- Ты спятила? От меня? Кто она против меня? – на стол с грохотом была брошена кофейная ложка.
- Не кипятись, я пошутила, – приятельнице доставляло удовольствия сыпать основания для сомнений.
- Ненавижу тупые шутки. В общем, пускай эта художница и наведет мне дизайнерский шик в доме.
- А ты уверена, что она справится?
- Ты не видела её картин, – Милана быстро вернула себе самообладание и вернулась к теме беседы, из-за которой пригласила подругу на чашку кофе.
- Мне искусство безразлично, – фальшиво потянулась девушка, не испытывавшая аналогичного чувства к своему имиджу.
- Зря. Я тоже раньше так относилась к творчеству, но, когда на выставке увидела работы Ады, поняла, что такое талант.
- И что там ты увидела?
- Тела. Она так красиво их изображает, – Милана произнесла эту фразу с придыханием.
- Обнаженка?
- Силуэты – поправила она собеседницу тоном чуть более резким.
- И что красивого в силуэтах? – Настя продолжала демонстрировать тотальное непонимание темы разговора.
- Линии.
- Ух ты, раньше ты так не мыслила. Это когда к тебе пришло понимание искусства? – Настя засмеялась, представляя мысленно, как практичная Милана застыла напротив картин и пытается увидеть в них скрытый смысл.
- Это она пояснила.
- Подруга, ты смотри не поддайся соблазну. Тебе выходить замуж нужно.
- Это в прошлом, – вздохнув, Милана отвела взгляд, будто стало стыдно.
- Вдруг она сможет вернуть тебя к прошлым страстям.
- Не вернет. Я не могу утверждать, что она из таких.
- Похвастаешься, когда она выполнит работу.
- Так будет же по случаю нашего новоселья вечеринка, и ты в числе приглашенных. Все увидишь.
- Милана устремила взгляд в чашку, вспоминая бурную молодость, когда бодрость наступала не от кофеина.

Глава 5

Пицца оказалась куда вкуснее, чем она ожидала. Непрезентабельное внешне заведение могло похвастаться кухней, но что-то не позволяло владельцу кафе заниматься рекламой. Деньги. Они волновали всех. Заставляли подгонять под них жизнь, форматировать мечты и строить планы, выгодные бумажкам с символической властью.

– Ваш счет, – голос официантки вывел сидевшую за столиком одинокую посетительницу, из протрации.

Взглянув на кусок бумаги, лежавший на маленьком блюде, Ада приятно удивилась – сумма за обед оказалась смехотворной.

Не сказав ни слова, но твердо уверенная, что будет снова сюда возвращаться, Ада рассчиталась и вышла на улицу. Погода вторила настроению. Формат мыслей под осенним градусом провоцировал на творчество. И только. В жизни наступало затишье и захлестывало оно практически все. А по сути, она ничем кроме работы и не располагала. Тотальная свобода идентичная одиночеству уничтожила в ней мечты. Только кисть позволяла растолкать внутри себя воображение.

Наступив на краешек желтого листа, освободившегося от ветки дерева, она подумала о том, как её топчет жизнь. Не то чтобы сильно. Также само, как и она лист – по краю. Оставляя остальное целым, чтобы ещё трепыхалась на ветру. И ради чего? Просто потому, что так положено всем рожденным и живущим. Биться в личных конвульсиях от каждого дуновения ветра. Может даже чужого ветра.

Съежившись от мыслей, она запахнула куртку из искусственного замша, создавая впечатление замерзающей. Так оно и было. Она мерзла от всего, что вокруг происходило. Ускорив шаг, Ада дошла до здания, в котором располагалась её маленькая студия.

Возле двери нервно расхаживала клиентка.

– Ну наконец-то.

– Вы по телефону что сказали?

– Не поняла, – Милана смотрела на художницу, как на горничную, на которой она отретировала доскональным образом уничижительную манеру поведения.

– Завтра. Вы собирались прийти завтра.

– Я заказчица.

– И что?

– Ада, вы меня пугаете.

– Чем? – Ада подняла бровь и пристально посмотрела на девушку, не утомившуюся от высокомерия.

– Это фигуральное высказывание.

– Эм... Ну заходите, глянете, то ли я рисую.

– Благодарю, – Милана пропустила вперед владелицу студии, испытывая недовольство от такого жеста.

– Там, – Ада махнула рукой в сторону, где виселось гигантское полотно будущего панно.

Всматриваясь в буйство красок, Милана молчала. Не нарушала тишину и художница. Усевшись на крутящееся кресло, Ада смотрела на заказчицу, прикидывая причины, по которым терпела особу, с явно зашкаливающим гонором.

– Круто, – Милана повернулась к Аде с наигранной улыбкой.

– Продолжать?

– В смысле?

– В прямом – рисовать дальше?

– Ну да. Ада, я все время хотела спросить, а вы что живете здесь? – на лице с довольно приятными чертами заиграло пренебрежение.

– Да.

– А почему?

– Так хочу, – художница не собиралась потакать женской тяге заглянуть в закрытую комнату.

– Да уж. А удобно?

– Мне да.

– Я бы так не смогла.

– Я и не предлагаю. Если работа устраивает, думаю, вы не станете возражать, если я продолжу?

– Да, – намек покинуть студию Милана не поняла и решила выяснять дальше обстоятельства жизни художницы. – А как же вы здесь живете?

– Также, как вы в своем доме, – Ада поняла, что пока не удовлетворит любопытство клиентки, та не покинет её жилья.

– У меня в доме есть и комнаты, и ванная, и кухня.

– Студия предполагает наличие коммуникаций, это на счет душевой и туалета. Дальше, по поводу спального места, вот оно, – Ада указала пальцем в сторону матраса, застеленного вязанным покрывалом. – А вот за той деревянной перегородкой, выполняющей функции фотозоны, так сказать кухня.

– Это жилье схоже на берлогу, не обижайтесь только, наркомана.

– Ясно.

Милана смотрела на художницу, не понимая, согласна ли та или нет с её предположением.

– Я понимаю, что творчество заставляет искать музу.

– Не понимаете, – Ада продолжала поддерживать неприятный разговор все также равнодушно спокойно.

– Я?

– Вы. Не понимаете. Допинг нужен. Только это не обязательно марихуана или метамфетамин. Все проще и дешевле.

– И что это? – интерес адвокатессы не был поверхностным. Она ощутила внутри себя ощущение, много лет назад задавленное против её желания.

– Жизнь. Милана, я попрошу вас оставить меня, мне нужно работать. По поводу сроков сдачи – неделя и ваше панно будет завершено.

– Вы позвоните? – сбитая с толку, она уже не понимала, что делать и как себя вести дальше.

– Нет. Приезжайте через неделю.

Глава 6

Датчики не указывали на отклонения от программного плана. Все происходило так, как должно. Мониторы демонстрировали ровные линии, отвечавшие за показатели тела и души. Разрозненность двух составляющих ранее одного целого не пугала. Сейчас был другой случай. Он и сам не мог понять причины своего беспокойства.

Решив, что он не имеет прав вести себя подобным образом, он отошел от мониторов и направился к выходу. Последний взгляд. Он должен был его избежать. Не удержался. Повернулся. Ровное дыхание, едва заметное, удержало его внимание. Поддерживаемое системой жизнеобеспечения тело казалось ещё более беззащитным. Её земное тело было очень схожим на то, что она покинула. Но образ, который она получила на земле, несколько отличался от того, который ей был дан здесь. Сдержанный здесь. Яркий там. Только сейчас он задумался над имеющимися отличиями. Он никогда не собирал вопросы в таком количестве. До определенного момента ему была ясна его роль и полагавшиеся обязанности.

Отгоняя от себя мысли, на которые он имел право, он вышел из комнаты.

Глава 7

Устроившись на полу, она внимательно рассматривала два полотна. Смешение красного, желтого и синего цветов ей казалось несуразным. К счастью, не ей придется лицезреть перед собой эту мазню. Примитивно. Посредственно. Сама бы она такие работы даже не стала бы и оценивать. Но за них полагалась отменная оплата. За безвкусицу. А может она сама перестала понимать, что красиво, а что нет. Может даже она утратила художественное чутье.

Прикрыв глаза, она откинула назад голову и попыталась унести прочь. Куда-нибудь туда, где нет этой суеты и такой мелочности. В место, где нет ежедневной работы, потребности в деньгах и даже чертовой еде. Так жадно захотелось свободы. Как будто она собрана в воде. Обычной. Питевой. Без всяких вкусовых дополнений. До жути простой. Не такой, как эта странная жизнь. Вроде бы тоже простая, незамысловатая. По сути, обывателю не приходилось сталкиваться с поисками ответов на какие-то крайне сложные вопросы человечества. Не имелось здесь и тени сказки. Здесь все было чрезмерно просто. Все-таки простота должна иметь границы.

Ада снова посмотрела на картины. Определенно в них не было ни намека на содержание. Странно, что заказчица, особа, избалованная деньгами, усмотрела что-то особенное в хаотично нанесенных мазках.

«Галлюцинации»: заключила художница, удерживая себя от нанесения в уголке полотна авторской подписи с названием изображения.

На часах наметились десять часов вечера. Одиноко стало невыносимо. Скрасить часы ничегонеделанья ни с кем не удалось бы. Она могла позвонить родителям, чтобы услышать тоже, что и обычно. Её семья жила в своем измерении. В том, из которого она не без угрызений совести вырвалась. Она оставила их в ситуации, в которой радость и веселье или даже просто безделье, становились запретными. Но, продолжать угнетать себя означало перечеркнуть жизнь, которую кто-то невидимый и может даже существующий или напротив, нет, дал персонально ей. К жизни она все ещё относилась как к дару. В свои тридцать два года она не разочаровалась в уникальном путешествии по реальности, начинавшей казаться какой-то наигранной, будто неестественной. И эти мысли страшили. Она не имела права сходить с ума.

Теперь приходилось бежать от мыслей. Собственных и страшных. Точнее странных. Раньше она не пыталась рассмотреть жизнь через философскую призму.

Устроившись с ноутбуком на печальном матрасе, лишенном тандема с кроватьными ламелями, она стала ждать, когда сон сморит её упрямое сознание.

Глава 8

Стук в дверь, отчаянно наглый, заставил её покинуть область сновидений раньше привычного времени. Восемь часов утра. Такого раннего пробуждения она себе не позволяла. Прислушавшись к шуму возле двери студии, она убедилась, что посетитель не намерен отступать от цели.

– Там кто-то есть? – обладатель мужского голоса тарабанил ещё сильнее.

«Нелогичный кретин. Если у тебя сомнения в присутствии человека за закрытой дверью, чего тарабанишь?»

Ада продолжала лежать, прикидывая, что лучше сделать: ничего или послать навязчивого незнакомца.

– Ада, открой дверь. Ты же здесь живешь.

Такой поворот заставил подойти к двери.

– Кто?

– Открой дверь. Это же не культурно, – мужчина, стоявший по ту сторону, явно не был склонен к гордости, а потому не ушел бы, не получив хоть какой-то ответ.

– Шумное создание, ты хоть представься.

– Я друг твоей сестры, – в его голосе сквозила убежденность, что он имеет некое преимущество в сложившейся ситуации.

– И чего пришел? – меньше всего Аде хотелось слышать хоть слово о человеке, ставшем причиной её скитаний.

– Я же сказал, что я от твоей сестры.

– Пускай сама приходит. Хотя нет, ей здесь нечего делать, – вспомнив последнюю встречу с сестрой, Ада почувствовала, что на очередную беседу у неё просто не хватит сил.

– Ей нужны деньги, – мужчина был уверен в правомерности своих требований и не собирался отступать.

– Передай ей, пускай не лезет со своими проблемами, – такой поворот разговора она и ожидала, но не имела готовности продолжать оправдываться за то, в чем не была виновной.

– Это не по-человечески, – взывающий к совести продолжал проявлять настойчивость.

– Содержи её.

– Я не могу, – в голосе незнакомца не промелькнуло ни намека на стыд за демонстрируемое поведение.

– Я тем более.

Ада прикрыла уши ладонями. Внутри неё заворочалось возмущение. Дыхание стало прерывистым, предвещая удушающий спазм, возникавший в моменты сильного волнения. Решив не дожидаться начала оногo, она принялась искать успокоительное. Редко приходилось прибегать к его помощи с тех пор, как она съехала с родительской квартиры.

Подойдя к окну, Ада долго смотрела в небо. Серое и безграничное оно не пугало и не грозило упасть на неё, как раньше, когда она жила вместе с близкими людьми. С семьей. С каким же облегчением она вышла из дома пять лет назад с рюкзаком и больше никогда не возвращалась обратно.

Глава 9

Улица покрывалась листьями и грустью. Уверенно приближалась пора затишья. Забвения. Времени, когда следует переждать и питать иллюзии. Он давно уже не верил в чудеса. И даже Новый год не воспринимался точкой, с которой прокладывается новый маршрут в лучшее будущее. Для него этой точки не существовало. Она была стерта и не им лично.

Открыв дверь черного входа в бар, он прошел в густую темноту помещения, пахнувшую вчерашним сигаретным дымом. Барная стойка осветилась многочисленными лампочками. Он любил эту атмосферу. Если бы не работа бармена он спятил бы. В этом месте проблемы оставались за порогом. И не алкоголь их тормозил, позволяя отдохнуть тому, за кем они увязались. Что именно на время пребывания в баре разгружало головы посетителей, он пока не понял, но успел прочувствовать. И покидать эту зону расслабления не планировал. Впрочем, и некуда было уходить. Прошлое осталось далеко позади. Оно споткнулось на его следах. Он уверенно ушел вперед. И не пожалел.

В зал вошла первая посетительница. На лице худощавой девушки он заметил знакомое состояние. Она была такой же, как и он – отсеченной от прежней жизни. Свободной. Ничейной.

Глава 10

Истерика рассеялась среди разбросанных вещей. Раскачиваясь из стороны в сторону, девушка входила в состояние, указывавшее на приближение успокоения. Стараясь не шуметь, пожилая женщина прикрыла дверь в комнату. На цыпочках она отправилась на кухню, где за столом сидел муж. Его потухший взгляд остановился на чайнике, давно переставшем свистеть.

– Ну что ты, не расстраивайся, ей уже полегчало, – женский голос не оказал на него должного эффекта.

– Я устал.

– И я.

– За что нам это? – наконец-то он поднял глаза, ища ответ у жены, измученной так же, как и он, приступами дочери.

– Не за что.

– Я её понимаю. Сейчас стал понимать.

– Кого? – женщина не поняла, как можно одобрять истерики дочери.

– Аду.

– Я не знаю. Она решила строить свою жизнь, и может она права, но, когда страдает семья, она не должна позволять себе развлекаться.

– Ты думаешь, она развлекается?

– Наверное же, не страдает, как мы.

– Но она и не должна испытывать то, что мы терпим.

– А кто должен? Ты? Я? Нет. Так вышло. Ада бросила сестру и нас в сложной ситуации, – мать не могла смириться с бегством старшей дочери.

– Мы родители, и в какой-то мере вынуждены это терпеть, а она имеет право на свою жизнь. Не суди дочь. Постарайся понять её.

– А если с нами что-то случится, кто будет возиться с Агатой?

– Нам нужно положить Агату в диспансер, – подавляя внутри себя жалость к дочери, отец выдавил из себя фразу, которую тщательно комкал последние дни, ставшие нестерпимыми из-за участвовавших истерик.

– Как ты можешь? Она же наш ребенок.

– А что мы можем сделать? Она не может жить без психотропных препаратов. Сколько мы продержимся в такой атмосфере?

– Нужно найти Аду.

– А она не обязана заботиться о сестре. Завязывай ты со своим странным материнством. Тридцать лет Агате. Она ни дня не работала. Учебу бросила. Она и не пыталась бороться со своей болезнью.

– Она не могла, – женщина укоризненно смотрела на мужа, решившего покончить с ужасом, не заканчивающимся в их доме уже десять лет.

– Ну да. Ей же нужно было употреблять какую-то непонятную химию, – осуждать дочь он уже не боялся. Никакой иной реакции на поведение Агаты у него больше не имелось.

– Ты жесток к ней, – тяжело вздохнула женщина, стараясь не стать на сторону мужа.

– А ты к Аде. Только потому, что она позволила себе жить.

– Не хочешь помогать Агате?

– Как? Я не врач. И ты не специалист. Мы оба просто зрители её представлений. Она жаждет сорваться и снова ощутить, как она это называет, нирвану. Мы нужны как финансовая поддержка.

– Ты что предлагаешь? Бросить её? – вопросы преодолели комок в горле. Ответ измученная женщина знала.

– Положить в психоневрологический диспансер. Я устал. Ты кстати, тоже. Посмотри на себя в зеркало. Тебе пятьдесят восемь лет. Я бы дал семьдесят. Она нас убивает.

Сгорбившийся мужчина, едва несший на себя солидный возраст, отправился в комнату, чтобы урвать для себя пару часов сна.

Глава 11

Поверхность стола отливала чистотой. Тонкие пальцы с короткими ногтями рисовали на ней невидимые узоры. Тихо игравшая музыка помогала отрешиться от окружающего мира.

– Девушка, мы только открылись, так что могу предложить исключительно напитки, – в отсутствие официантки, хронически опаздывавшей каждую смену, бармен лично принимал заказы у рано проснувшихся посетителей.

– Мне кофе.

Она не подняла на него глаза, но он счел этот жест вовсе не игнорированием обслуживающего персонала, а признанием в катастрофически подавленном настроении. Вернулся он с маленьким подносом, на котором одиноко стояла крошечная чашка.

– Девушка, ваш заказ, – он смотрел на рыжеволосую посетительницу в ожидании реакции.

– Ой, спасибо, – она вскинула на него глаза и слегка подняла вверх уголки губ. Улыбка не получилась.

– У вас что-то случилось?

– Да. Нет, не беспокойтесь.

– Первый ваш ответ был правдивым. Вы, если что обращайтесь, я вон там обычно нахожусь, – он показал рукой в сторону барной стойки и направился за свое рабочее место, чтобы наблюдать за понравившейся ему девушкой и любым, кто войдет в зал, чтобы остаться за столиком наедине с личной проблемой.

Глава 12

Стабильные показания позволяли бездействовать. Ему казалось странным, что состояние погруженной не отражается на датчиках. В журнале наблюдений появилась сдержанная запись. «Не противится».

Прочитав написанное, он задумался. За период времени, проведенный в Башне, ему приходилось отмечать самые разнообразные реакции на более незначительные ситуации. И только этой погруженной удавалось сохранять выдержку на краю. Она не паниковала. Не срывалась. Молчала. Принимала все, как данность. Он мог гордиться подопечной. Если она и дальше так будет себя вести, он пройдет свое испытание. При таком удачном развитии событий, ему становилось тяжело. Он знал, что должно произойти. Ничего особо страшного. Просто безрадостные дни приближались к ней. А значит и ему придется переживать. Он не понимал её. Заметив возле неё мужчину, способного внести перемены, Смотритель задумался над своими ощущениями. Он не мог ревновать. Не только не имел права, но и был лишен способности создавать такое чувство. Он опасался новых ощущений от наблюдений.

Подключившись к измерителю состояния, Смотритель нахмурился. Показатели указывали на отклонение от допустимых значений его вмешательства в управление земной судьбой погруженной. Если он достигнет критической отметки, будет отстранен, а, следовательно, отправлен в командировку. За непродолжительное пребывание в Башне он успел соскучиться по близким и по уровню, на который получил распределение. Спасти сложившуюся ситуацию с погруженной со своей стороны он не мог. Имел возможность только следить и вовремя сообщать специалистам по программным вмешательствам соответствующие коды. И этот момент он рисковал пропустить.

Глава 13

Сырость комфортно чувствовала себя на улицах серого города. Она придавала пространству нужный оттенок. Это было идеальное время для работы. Две недели пронеслись как несколько дней. Разве что очень долгих. Насыщенных смыслом, сумевшим найти воплощение в трех холстах. Оставалось написать ещё пару картин, чтобы подать заявку на проведение персональной выставки. Выстроив работы под стенкой, она отошла на приличное расстояние и принялась искать недочеты. Они должны были иметься. Иначе и быть не могло. Ада привыкла критиковать свое творчество. Но сейчас она не могла усладить стервозную требовательность – помарки отсутствовали.

«Фух, теряешь ты квалификацию. Не может быть все хорошо, если нет хоть малости плохого. Думай»: мысленно отчитав себя за появившуюся самоуверенность, она решила прогуляться и освежить взгляд.

Смутила только резко понизившаяся температура воздуха. Гардероб все ещё не был наполнен достаточным количеством вещей, особенно теплых. Зимовку художница проводила в студии, заказывая доставку продуктов и воды. Редкие выходы на улицу обозначились серым оттенком на лице. Под стать её душевному состоянию. Внешность не имела для неё значения никогда. Она не задавала себе вопрос: красива или нет. Такие размышления казались незначительными. Даже постыдными. На фоне жизни мысли о красоте принижали значимость личности.

Пробежавшись глазами по вешалке, позаимствованной из соседней студии, в которой погибла идея создания модного шоурума, она выхватила потертую дубленку. неизменные ботинки, обладавшие уникальным свойством сохранять тепло зимой и не парить ноги весной, дополнили комфортный образ.

На улице заявляли свои права первые снежинки. Мелкие. Колючие. Дерзкие. Как те, кому приходилось проторить собственную тропинку. Она их отлично понимала.

Глава 14

Помещение ни в какую не хотело приобретать приятные черты. Тщетные попытки украсить пустоту дорогостоящим декором начинали раздражать владельца дома. Скандалов хотелось избежать и приходилось хитрить. Милана чувствовала, что рано или поздно претензии Артура она не сумеет воспринять с улыбкой, как он привык.

Его шаги создавали отчетливый шум.

– Я так понимаю, ничего не меняется и меняться не будет, – прогремел его недовольный голос.

– Я стараюсь.

– Тратить деньги? И что толку, – обладатель циничного выражения лица осматривал гостиную словно находился в гостях.

– Но что я могу сделать? – стоявшая рядом с ним невеста не пыталась скрыть растерянность.

– Как женщина создать уют.

– Давай пригласим дизайнера?

– По всей видимости, это будет экономически целесообразней. Я сам выберу фирму, в которую мне следует обратиться за помощью.

– Давай привлечем художницу, рисовавшую картины для гостиной? – Милана жалела, что не сделала этого раньше.

– А, она что имеет диплом дизайнера? – Артур предпочитал прибегать к услугам дипломированных специалистов, полагая, что те, кто не получили высшего образования в априори не имели полного представления о собственной профессии.

– Возможно. Я не интересовалась.

– Естественно. Ты не привыкла грамотно распоряжаться деньгами.

– Вообще-то я тоже не бедняжка с подворотни. Не забывай, что у меня достаточно крутая адвокатская фирма и я в силах оплачивать свои счета, – упреки будущего мужа все чаще касались темы денег и выросшая в богатой семье Милана чувствовала себя в такие моменты нищенкой.

– Ты меня ещё попрекни своими богатыми родителями. Я в курсе, что они богаче меня. Но это мой дом.

– Не совсем. Ты основной владелец, но и я имею права на дом. В долевом соотношении затрат на приобретение данной недвижимости здесь 1/3 и он также принадлежит и мне.

– Вот и оплачивай своего художника, – Артур поставил на журнальный столик бокал неизменного вечернего виски.

– Художницу.

– Это должно иметь для меня значение?

– А тебе все равно, если бы я оставалась в доме наедине с посторонним мужчиной?

– Ты не пренебрежешь перспективой выгодного брака.

Артур не стал дожидаться ответа и предпочел уйти, утратив интерес к беседе. Милана смотрела на его удаляющуюся фигуру, одетую в дорогостоящий костюм. Внезапно будущая жизнь с этим человеком показалась безумно скучной. Договоренность с отцом не подлежала расторжению. В противном бы случае она лишилась компании и денег. А это означало поводом сорваться. И снова понестись в пропасть.

Глава 15

Фон картины стал тупиком. Художница смотрела на его бледные тона и не видела невидимых очертаний, обычно появлявшихся до того, как она наведет их кистью. Это был тот самый творческий кризис. И она попала в его сети весьма не вовремя. На последней картине коллекции. Перед ней не стояли сроки сдачи. Она имела возможность расслабиться. Не было смысла давать себе передышку. Появлялась прорва времени, которую она ничем не могла бы заполнить. Обозначилась мысль навестить родителей. Исход встречи был заведомо известен. Нервная встряска от общения с матерью и сестрой смогла бы оживить воображение. Пускай даже с отрицательным градусом. Лишь бы вырваться из стагнации и начать двигаться.

«Я стала мазохисткой. Мне нужна порция страданий. Нет. Не верно. Это всего лишь Стокгольмский синдром»: грустно обозначила Ада свое состояние.

Всматриваясь в гладь полотна, практически монохромную и приглашающую творить, она поняла, что обязана удовлетворить внутреннюю жертву. И погода была под стать – метель мела с ночи. Все складывалось для неё подходящим образом, уж если и мучиться, так на каждом сантиметре пути.

Глава 16

Пространство, отведенное под отдых, поглощало звуки и свет. Темнота. Не та, которой люди устрашают друг друга. Люди. Мысли унеслись в сторону созданий, вызывавших у него самые противоречивые ощущения. Он недолюбливал их. И об этом знало руководство. Порученное задание имело целью изменить его установки. Ему повезло: его погруженная позволила своему Смотрителю открыть новые грани, присущие человеческой сущности. Но он все ещё был уверен, что качества погруженной представлялись результатом индивидуального развития и не являлись правилом, распространявшимся на каждого индивидуума.

За что он питал антипатию к людям – он знал. И она была обоснованной. Разве что он сумел убедиться, что не все люди омерзительны. Доверенный ему человек отличался зрелостью души. Погруженная не стала жертвой человеческих заблуждений и стереотипов, от количества которых он, как существо высшего порядка приходил в неопиcуемый ужас. Представив себя на месте погруженного, он ощутил холодок, пронесшийся по коже. Такой участи себе он бы не пожелал. Как и не хотел оказаться в мире, где неразумные существа сеют страдания, считая, что те посланы свыше. Они имеют наглость творить зло и перекладывать за него ответственность на Высшие силы. Вот за это он продолжал их не любить. Не ненавидеть. Для этого чувства он был слишком развит. К сожалению. Ему многое дали, а значит и многое спросят. И вот она, ставшая его испытанием, оказалась удачей.

Всматриваясь в тьму и вслушиваясь в тишину, он увидел и услышал ответы на вопросы. Только на их часть. Остальные он знал, что придется добывать самостоятельно. Вместе с ней. Она была ему нужна. Он ничего не мог для неё сделать.

Глава 17

Дверь, успевшая стать малознакомой, открылась со скрипом, ещё оставшимся в памяти.

– Ты? – сильно постаревшая женщина явно удивилась визиту старшей дочери.

– Мама, здравствуй.

– Зачем явилась? – тон, каким мать задала вопрос, демонстрировал непрошедшую обиду.

– Хотела провести время в кругу семьи, – Ада почувствовала себя попрошайкой на пороге дома, не так давно считавшегося родным.

– Заходи, – процедила мать и, распахнув дверь, не стала дожидаться, когда дочь войдет, и отправилась в гостиную.

Потоптавшись на пороге, словно давая себе право убраться прочь, Ада шагнула вперед. Вслушиваясь в голоса, она силилась отыскать отцовский.

– Проходи давай в комнату, – крикнула мать.

Ада отправилась в гостиную, где ежедневно на протяжении долгих лет собиралась вся их семья, и каждый её член делился впечатлениями от пройденного дня. Комната ничуть не изменилась: ремонт не делался, мебель была расставлена также, как и раньше.

– Привет, Агата, – узнать сестру было сложно, настолько та изменилась, но Ада постаралась не выдавать свое ощущение через интонацию.

– Явилась, – сестра некоторыми чертами характера походила на мать.

Отвечать желания не было. Аде от неловкости хотелось бежать подальше.

– Скоро отец придет, – сообщила мать, – дожись его: он обрадуется.

– Я сделаю себе чай? – поинтересовалась Ада, опасаясь самовольничать в доме родственников.

– Конечно, и поспеши вернуться, мы обсуждаем важную проблему, – мать держалась напряженно.

– Что-то случилось? – желание чаевничать у Ады напрочь отпало.

– А ты как будто не знаешь? То, что твоя сестра страдает тебе неизвестно? Просто забыла. Живешь в свое удовольствие и не думаешь о близких.

О том, что она окажется облитой, как из ушата упреками она и в самом деле забыла. Мать быстро исправила упущение.

– Ты имеешь в виду прежнюю проблему? – Ада нашла в себе силы вступить в заведомо проигрышную дискуссию.

– Это не проблема, – вспыхнула мать, – а болезнь. Агата больна. Она страдает и нуждается в помощи. В том числе и финансовой. И ты должна понимать, что такое суть семьи, когда нет «я», и когда «мы» ставится на первое место. Ты вернулась, чтобы помочь?

– Помогать? – она почувствовала, что не желает выслушивать обвинения в том, в чем она ни на грамм не была замешана, – Агата больна? А может просто обнаглела и села на наркоту от трусости перед реальной жизнью? Ты всегда ей потакала: она же красавица. Лучше бы она была умной.

Сгорбленная от ломоты в теле и исхудавшая донельзя девушка не пыталась даже вклиниться в разговор матери и сестры.

– Не смей в моем доме оскорблять мою дочь!

Пожилая женщина, покачиваясь, поднялась с дивана и приблизилась к Аде.

– А от меня не твоей дочери, что деньги понадобились?

– А ты зачем пришла? – голос матери начинал приобретать хрипоту от крика.

Ада смотрела на мать и пыталась понять, на каком основании решила, что люди, от которых она стремилась уйти в никуда, изменились или хотя бы будут немного рады её визиту.

– Увидеть близких. Но их здесь нет. Передай отцу от меня привет.

Глава 18

Поникшая рыжеволосая голова была ему знакома. Странная девушка снова находилась в подавленном состоянии. Официанты сновали в зале, каким-то образом умудряясь не замечать её. Угадывать пожелание незнакомки он не стал и направился узнать, что именно поможет разогнать тоску.

– Я помню вас, – любезный бармен нависал над посетительницей, полный желания помочь.

Она посмотрела на него. Казалось, что она искала нужные слова. Секунды рисковали смениться минутами и последующим за ним неуместным ожиданием.

– Не помните меня. Вы не так давно сюда уже приходили. И также само были в расстроенных чувствах. Что я могу вам предложить выпить? – настойчивость бармена не ощущалась, скрываясь за выполнением обязанностей.

– Да, не помню. Не знаю даже, что мне стоит заказать. Принесите чего-нибудь на свое усмотрение. Но не крепкое.

Ада не задержала на бармене продолжительный взгляд. Желания общаться не возникало, что было вполне естественным для неё: знакомства не стояли в списке приоритетов. Они даже пугали. За новым именем следовали слова. Те, что могли оказаться в лучшем случае пустыми и ничего не значащими, а в худшем запросто бы ранили. Особенно слова, принадлежащие мужчине.

Бармен оказался настойчивым. Ада вскользь коснулась глазами человека, возраст которого слегка перевалил за сорок, и попыталась понять, чего ей следует от него ожидать. Мимика лица незнакомца не указывала на приближение потока стандартных, а от того набивших оскомину вопросов, среди которых был вызывавший у неё внутренний ажиотаж – свободна ли она и почему. Она не скучно провела юность, утолив наперед аппетит. Сейчас её ум целиком поглотило творчество. И мужчине было не под силу тягаться с оным.

– Вы меня пугаете печалью на лице, – ему явно хотелось беседовать.

– Тогда вам не стоит на меня смотреть. Спасибо, что лично принесли мне заказ, – она надеялась остаться одна за столиком и, выпив содержимое бокала, либо разбавить горечь от встречи с семьей, либо усилить децибелы моральной боли.

Не желая усложнять ситуацию, он улыбнулся девушке, на удивление не отведшей от него взгляд и отправился за стойку. Опасения больше никогда её не увидеть не чувствовалось: одинокие всегда возвращаются туда, где их выслушают просто так.

Глава 19

Покидать Башню, за исключением прогулок в периметре уровня, запрещалось до окончания срока земного пребывания погруженного, закрепленного за зрителем. Нахождение в персональном помещении, именуемом сферой отчуждения, не обеспечивало расслабления, причем обещанного в начале службы. Знакомый Уровень, расположенный далеко за пределами Погружения, врывается фрагментами воспоминаний в сознание. Он почувствовал тоску за яркими красками и разнообразием созданий, населявших громадный мир. А ещё за теплом. В Башне никогда не было тепла. Криобалансатор окружающей среды, без которого было бы невозможно поддерживать жизненные функции тел погруженных, требовал отсутствия температурного контраста. Зрители, вырванные из гармоничной среды, проходили испытание, отслеживая жизненный путь доверенного им человека. Он не тяготел к работе с погруженными и не грезил властью над душами. Если бы не резкость суждений и возможно, грубые заблуждения в оценке человеческой личности, его не откомандировали в прохладное место, размещенное на специализированном подуровне соответствующего уровня.

Усталости от нескольких десятков лет, проведенных в наблюдении за человеческой жизнью, он не ощущал. Казалось, что в Башне и вовсе нет места эмоциям, но аппаратура, отвечающая за поддержание связи с душами погруженных, свидетельствовала об обратном.

Отдых он всегда завершал по личному хотению и направлялся в комнату погруженной. Ему хотелось следить за ней дольше обязательного минимума. Он тревожился за неё. В том, что она не склонна к импульсивным, а, следовательно, необдуманным поступкам, он не сомневался. Имелось нечто иное, не позволявшее ему оставлять её без контроля. Жалость. Глядя на мониторы, он видел крошечную фигурку посреди огромного мира. Она была одна. Ненужная даже себе.

Глава 20

Приходить без предупреждения было не в её правилах. Такое поведение выставило в неказистом свете, как простолюдинку, не имевшую представление о манерах. Но перед некоторыми людьми она могла позволить себе забыть о манерах. И этот случай был именно таким.

Закрытая дверь студии разозлила Милану. Пришлось ждать художницу, не имея уверенности в том, что та явится и насколько быстро. Время бездарно тратилось. По непонятной причине это обстоятельство меньше всего её тревожило. Сказывалась усталость. В такие периоды она отправлялась в какую-нибудь экзотическую страну, чтобы насладиться комфортом элитного отдыха. А вот пейзажи оставляли равнодушной. Расхаживать по экскурсиям и томиться от жары и пыли она считала признаком дикарства и дурного воспитания. Людям её круга полагалось находиться у бассейна в шезлонге, чтобы прикрыть глаза и помечтать о чем-то недостижимом.

Появление художницы вернуло Милану к реальности. Окинув взглядом потертую дубленку и грубоватые ботинки, молодая женщина поморщилась. Она представляла творческих людей неопрятными, но имевшими особенный шарм. В данном случае он отсутствовал.

– Я вас уже заждалась, – сообщила Милана художнице, подходившей к дверям студии.

– Во-первых, здравствуйте, во-вторых, вы не соизволили предупредить меня о своем визите.

– Я потеряла ваш номер телефона.

– Что нужно? – устало поинтересовалась хозяйка студии.

– Вы со всеми клиентами такая грубая? – Милана смотрела на художницу с нескрываемым удивлением. Она привыкла, что собственные клиенты стараются угодить ей тоном.

– Да.

– Я думала, что для меня сделаете исключение.

– Не вижу оснований. Так зачем ко мне пожаловали? – Ада ждала перехода к сути разговора, успевшего уже утомить.

– Мне нужен дизайнер.

– А я причем тут?

– Вы же художник.

– Верно. А вам нужен дизайнер.

– Но это одно и то же, – Милане хотелось и самой перейти к более резкому тону, но она сделала над собой усилие, полагая, что несколько зависима от настроения творческой особы.

– Наверное, как музыкант и фотограф.

– Не поняла.

Ада смотрела на особу, швырявшуюся высокомерием, как грязью, безо всякого желания продолжать абсурдный диалог.

– Так вы возьметесь за работу? – пальцы с модным маникюром теребили ручку дорожной сумочки, указывая на нервозность клиентки.

– Речь идет о работе?

– Конечно.

– Слово «работа» прозвучало только сейчас. Ладно, что требуется? – отказываться от заработка для Ады было непозволительной роскошью.

– Оформить дом декором и правильно расставить мебель.

– Вы можете скинуть мне фотографии вашего дома, точнее помещений и я набросаю вам в программе свое видение.

– А разве вам не нужно выезжать на дом?

- На объект.
- Что?
- В случае необходимости. Я вам сейчас запишу свой емейл.
- Сколько вам оставить в качестве аванса? – с каждой фразой, сказанной художницей,

Милана все хуже её понимала.

- Нисколько. Оплату произведете, когда примите работу. Если она вам понравится.

- Спасибо за доверие.

– Не в этом дело. Я не дизайнер, потому не могу гарантировать, что справлюсь с поставленной задачей.

– Мне очень нужно, – чуть ли не впервые в жизни Милана просила об услуге другого человека.

- Постараюсь, – Ада не привыкла давать пустых обещаний.

Глава 21

Образ незнакомки не шел из головы. Неделю она не появлялась, и он стал опасаться, что завсегдаем девушка без имени не станет, а, следовательно, они не пересекутся вновь. Он не узнает её имя. Не услышит срывающийся от эмоций голос, каким она решилась бы ему рассказать о причинах грусти.

– Тимофей, – голос совладельца бара вытащил его из раздумий, – я уеду на недельку отдохнуть. Сил нет терпеть эту изморось. Последишь за всем?

– Спрашиваешь, – улыбнулся стоявший за барной стойкой мужчина.

– Это и твой бар, так что я спокоен, – сказанное прозвучало скорее для спокойствия самого Семена.

– Куда собрался? – мнительность друга Тимофею была привычной, но не перестала надоедать.

– По скромному с женой в Турцию, – опасавшийся кича Семен предпочитал выбирать вещи из средней ценовой группы, также само он поступил и с выбором места отдыха.

– Давай, друг, езжай.

Довольный предстоящей поездкой Семен направился к выходу. В дверном проеме Тимофею захотелось увидеть не спину бизнес-партнера, а фигуру девушки в невзрачной одежде. Но вместо неё распахнутая дверь показала пространство, медленно заполнявшееся мелкими снежинками.

На часах устанавливалось время, когда пустота зала за считанные минуты станет эпизодом прошлого, а вместо неё соберутся все те же лица со все теми же проблемами. Бармен поставил подходящую музыку и наконец-то отвернулся от двери.

Глава 22

Без особой дрожи волнения она открыла почтовый ящик. Ответ претенциозной клиентки означал наличие заказа. Усаживаться за скучную дизайнерскую программу желания не возникало, но деньги как обычно требовались ещё вчера. Ада устало вздохнула. Быть зависимой от работы, исходя из финансовой заинтересованности, походило на мазохистский трудоголизм. Как же она устала. Внезапно захотелось сбежать из студии и попросту забыть обратную дорогу. Не то чтобы лишаться памяти, а выборочно отформатировать её содержимое. Она так не умела. И не имела права. Она была одна, а это означало автономную зависимость. То есть от самой себя. И она не имела внутри себя ни грамма подлости, чтобы сделать завтрашний день лишенным куска хлеба.

Ноутбук покорно включился и принялся загружать операционную систему. Программа грузилась намного дольше. Воспользоваться случаем, и улизнуть в раздумья она отказалась и отправилась готовить себе чай, чтобы позволить ему ужасно остыть и быть вылитым в мойку.

Рабочий файл в программе стал заполняться сперва чертежами, затем те уступили место куда более симпатичным изображениям. Гостиная чужого дома даже на фотографиях казалась пугающе просторной и насыщенной чем-то худшим, чем одиночество. Знакомое ощущение. То самое, которое осталось в квартире её семьи.

Работать над моделированием интерьера Ада не любила. Она давно распрощалась с идеей создать личное пространство, возможно даже то, в котором ей пришлось бы соприкасаться с мужчиной. А как это делать, она так и не научилась. И как показала жизнь, этот навык с годами не появлялся. С ним либо рождаются, либо приобретают в полезном опыте. Пустая студия с минимальным уютом стала пристанищем для ненужной души.

«Хм... Душа»: Ада уцепилась за пришедшее на ум слово. О душе она вспоминала только когда, проходила мимо церкви, и когда становилось нестерпимо больно из-за не сложившейся судьбы. Мыслить стандартно не хотелось, но периодически приходилось извлекать из себя с корнями закинутые родителями и учителями шаблоны. Вот и относительно судьбы возникало представление, что она устроенной считается исключительно в кругу семьи. Ада нашла запасной вариант. Творчество. И оно ревниво требовало внимания, а она изменяла ему с работой.

Глава 23

В доме снова висело напряжение. С каждым днем он превращался в недовольного хозяина. Она предпочитала отмалчиваться. Пример матери оказался полезным. В отчем доме Милана с малых лет была свидетелем родительских скандалов. Мать научилась хитрить и пропускать мимо ушей, даже болезненные оскорбления. Дочь сделала выводы и решила стать адвокатом по семейным делам, но сама угодила в пропасть. Кандидат в мужа, одобренный отцом, был человеком не только их круга, но и привычек. Она стала такой же, как мать.

– Я понимаю, что художники не способны мыслить рационально, но сроки она не должна нарушать, – Артур входил в раж и старался повysить голос с каждой фразой ещё сильнее.

– Сроки не были указаны, – Милана смотрела на отчасти близкого человека и опасалась его расстроить.

– Я тебя не узнаю. Ты меня просто шокируешь. Звони немедленно своему дизайнеру и укажи сроки. Я желаю видеть свою гостиную на этой неделе законченной.

– Нашу.

– Не понял?

– Нашу гостиную. Артур, ты так удобно забываешь, что это и мой дом тоже.

– Вот и напомни себе об этом. Звони дизайнеру. Милана, я очень хочу уюта. Прости меня, – и снова его лицо обрело то самое выражение, которое так её притянуло к нему.

– Хорошо, – она смотрела на него с остывшим желанием продолжить скандал.

Глава 24

С раннего утра телефонные звонки вырывали её из сна, наступавшего обычно к рассвету. Полностью пробудившееся сознание обозначилось физическим дискомфортом в теле. Но-шпа перестала справляться с болью. Недомогание напрочь лишилось терпения и отвлекало от работы на протяжении всей недели. Глянув на экран смартфона, Ада помедлила отвечать. Нетерпеливая заказчица была хуже желудочных спазмов.

– Ада, ускорьтесь с выполнением проекта. У меня реально сроки поджимают, – Милана была верна привычке не здороваться с теми, кто стоял ниже по рангу и социальному уровню.

– Мне остался день, и проект будет готов.

– Не подводите меня. Иначе будет урезана оплата.

Не прощаясь, заказчица отключилась. Ничего не оставалось, как вставать с постели и надев казавшееся нелепым из-за обилия кружев платье, обеспечивающее вдохновение, поставить точку в заказе. Желудок снова напомнил о себе. Не голодом. Не урчанием. А дикой болью. Самочувствие не представлялось архиважным аспектом в иерархии ценностей Ады. Интуитивно она понимала, что с ней происходит что-то ненормальное, но что именно, выяснять не хватало времени. Кипяченая вода вместо завтрака и громкая музыка показались достаточными условиями для работы. Четырех часов хватило, чтобы отправить адвокатессе то, без чего она вполне могла обойтись и самостоятельно украсить гостиную.

Резкая боль выдирала загнанную в дальний угол заботу о здоровье. Поддавшись здравому смыслу, Ада оделась и вышла из студии, чтобы наконец-то поесть в том самом кафе, где ей досаждал вниманием обаятельный бармен. Дневной свет показался очень ярким. Ноги стали ватными. И неожиданно захотелось спать, причем очень сильно.

Откуда-то далеко до Ады долетал крик женщины, требовавшей вызвать скорую и прошившую её не закрывать глаза.

Глава 25

Тишина в сфере отчуждения погружала в состояние прострации. Время замирало. Ему нравилось воспринимать покой каждой клеткой тела. Но также он ощущал обманчивость испытываемого состояния, ведь в любой момент его могли отозвать из сферы. С его погруженной внештатные ситуации практически не возникали. И он не верил во временное равновесие: жизнь человека представляет собой нервную кардиограмму событий.

Характерные сигналы подтвердили его предчувствие и он, не тратя времени, вышел из крошечной комнатки. В коридоре его уже ожидали.

– Погруженной 1397 присвоен код 27.0.2., – сообщил коллега.

– По программе она не должна сейчас умереть, – сказанное звучало для него самого попыткой самоуспокоения.

– Ошибка анестезиолога, – коллега продолжал оставаться хладнокровным.

– Выживет? Что на датчиках показано? – волнение Смотрителя росло.

– Только код и режим ожидания.

– Это что издевательство? – он уже едва не кричал, обижаясь на коллегу из-за его режущего безразличия к человеку, хотя сам он многократно уличался в неприязненном отношении к людям. Он ошибался. И сейчас в полной мере осознал, что не может быть равнодушным к человеческим страданиям.

– Все зависит от автономной регуляции программы, – тон голоса коллеги смягчился.

– То есть с земли...

– Ты и сам это знаешь. Мы регулируем здесь то за, что мы ответственны, а они самостоятельно вносят коррективы.

Смотрители застыли друг напротив друга в тактичном молчании. Жизнь погруженной зависела от внутренних резервов её земного тела.

Глава 26

Попытка открыть глаза не удалась. Не получилось пошевелить руками и ногами. Она чувствовала себя крошечной, словно находившейся внутри огромного тела, своего собственного, где-то в области шеи. Страх быстро исчез. Вокруг было светло, хотя глаза она так и не открыла. Возникло ощущение в отношении тела: «это не я». Значит, переживать не следовало. Она была. Но другая. Без тела. Без этого тела, которое ей было знакомо. Она, находившаяся внутри, собралась унести прочь. Куда именно, Ада не знала. Маршрут как будто был прописан на каком-то глубоком уровне, не доступном ранее. Мысль о смерти не возникла. Это была смерть, но не в том смысле, в каком её воспринимают люди.

– Ада, Ада, – голос врача пробивался в пространство, наполненное светом, – ты меня слышишь?

После его слов она ощутила нехватку воздуха. Стало страшно. Она слышала, но не могла об этом дать знать.

– Она просто не хочет отпустить от себя врача, – пошутил женский голос.

Ада попыталась пошевелить рукой и ей это удалось. Врач принялся проводить реанимационные мероприятия. Ему хватило меньше минуты, чтобы пациентка начала дышать самостоятельно.

Все закончилось. Она снова чувствовала себя в большом теле и была им. Она жива. Но почему-то радости от этой мысли не возникало.

Глава 27

Волнения перестали его донимать. Могло показаться, что они уже несущественны. Но нет. Он знал, что они играют значимую роль. И именно для него. Точнее они знаменовали собой перемены, произошедшие с ним. Искренняя тревога за человека давно не терзала его разум. Пренебрежительное отношение к людям мешало безмятежному пребыванию на территории уровня, расположенного под отведенным для высших чинов. Ему приходилось стесняться собственной гордыни. Люди. Чем они были так заняты, он не понимал. Пока ему не доверили её. Обладательница парадоксальной сдержанности заставила его сомневаться. Возможно, люди и не были сплошь простыми существами, которым достаточно временных материальных благ земного мира для ощущения себя самих счастливыми и нужными.

Его погруженная не имела ничего кроме таланта. И она держалась за него, как за ориентир по жизни. Она шла, не зная пути. Не боялась. Не жаловалась. Да, собственно и некому было стенать на тяжелую судьбу. Та действительно было непростой.

Ему нравилось наблюдать за ней. Точнее за её земным образом. Чрезмерно худая с вьющимися рыжими волосами, она часами рисовала силуэты, придавая им характеры и наделяя их движениями. Она писала целые истории. Но чтобы их прочесть другим людям требовалось особое видение жизни.

А сейчас она лежала под капельницами. Опасность отступила, и она продолжит свое земное существование. Вместе с ней он продолжит вникать в суть того, что значит быть человеком.

Глава 28

Пожилой врач спокойно вводил в курс дела пациентку, самочувствие которой позволяло вести с ней беседу. На все ещё бледном лице молодой женщины не проскакивало даже секундного испуга.

– К сожалению, вы тяжело перенесли наркоз. Клиническая смерть не была зафиксирована, но ваше состояние было достаточно близким к таковой. По поводу язвы желудка вам следует относиться к себе с большим вниманием. Не думаю, что вы допустите подобное.

– Спасибо, доктор, что спасли, – казалось, что Ада пропустила мимо ушей информацию о сближении со смертью на операционном столе.

– О, моя милая, вы не были на краю смерти, но да, состояние вашего здоровья на момент поступления в больницу оставляло желать лучшего. Что ж, прошу придерживаться моих рекомендаций, вам их дадут при выписке.

– Уверенна, что многим вам обязана.

– Мой долг спасать вас, не желающих правильно питаться, – изрядно утомленный возрастом человек засмеялся, сиюсь придать бодрости духа пациентке, и покинул палату.

Вспоминая испытанное во время выхода из наркоза, Ада задумалась над ощущением себя, но вне тела. Она не задумывалась о жизни после смерти, полагая, что все это попытки служителей религиозных организаций успокоить людей и избежать всеобщей паники от осознания конца земного пребывания, как финальной точки в самовосприятии. Она имела доказательство, что после отделения от тела сознание не перестает быть собой. А может это и есть душа? Значит, восприятие себя самого в любом состоянии и есть ощущением души? А если, есть душа, следовательно, смерть не означает конца жизни. Аде стало не по себе от этих размышлений. Но забыть об испытанном, означало пренебречь удивительным шансом воспринять жизнь, глубже дозволенного. Возможно, то, с чем она столкнулась поможет ей жить спокойно и не утрачивая надежды. Но верить в то, что она пережила, как в истинное указание на продолжение жизни вне тела, было бы ошибочно, так как такое ощущение мог спровоцировать какой-нибудь препарат или, в конце концов, нехватка воздуха. От этого довода логики стало грустно. Она пожалела, что решилась дать волю рациональному мышлению. Верить в существование души куда приятнее, чем двигаться навстречу неизбежности, подозревая, что в конце просто погаснет свет.

Глава 29

Страх цеплялся за неё так, словно сам чего-то опасался. Годами она старалась от него отделаться. Ничего не помогало. С шестнадцати лет она познакомилась со всеми психотерапевтами города. Ночами занимала линию «Телефона доверия», посвящая безликих незнакомцев в свои самые жуткие тайны и страхи. Больше всего ей хотелось жить, как все её сверстницы, но она так не умела. Сперва успокоительное заглушало тревогу, затем потребовалось кое-что посерьезнее, чтобы глушить иррациональный бред, сковывающий тело.

Попав в плен наркотической зависимости, она расписалась в собственной неполноценности. Разрушила семью. Дом превратился в маленькое медицинское заведение, где лишенных связи с реальностью держат под контролем. И это не заканчивалось уже долгие четырнадцать лет. Смысл жизни уверенно смывался в водосточные трубы. Диагноз очередного специалиста по человеческим душам звучал ожидаемо. Она не была с ним согласна, но кто бы послушал человека, получившего клеймо, издавна звучавшее приговором – шизофрения?

Агата так и не смогла убедить близких и врачей, что не видит галлюцинаций. Мнительность, развивавшаяся с раннего детства, дала основание психотерапевтам заподозрить у неё бредовое состояние.

Теперь страх чередовался с отчаянием. Она угодила в сети, из которых никогда бы не смогла выбраться. Да и смысла выбираться не имелось. Ей неимоверно повезло с мамой, отчаянно боровшейся с миром за своего ребенка. Но вместо благодарности проблемная дочь учиняла истерики. Это не были капризы. Она действительно была больна. Но только не шизофренией. Только не этим позорным расстройством.

Глава 30

Датчики выдавали код, который не указывался в основной инструкции. Потребность обратиться к руководству ничуть не смутила. Раньше бы он задумался над последствиями для своей репутации. Опасение за погруженную оказалось сильнее. Убедившись, что код не изменился и что это не был временный сбой системы, он направился в корпус, где размещались несколько ответственных лиц за программное регулирование.

Просторное помещение не загромождалось лишними предметами. Только три стола с комфортными креслами, расставленными по вершинам равностороннего треугольника. Зал был залит светом. Отсюда не хотелось уходить.

– Вы пожаловали сюда по убедительной причине? – прогремел голос главного лица.

– Да, – Смотритель был краток.

– Назовите её.

– У погруженной, закрепленной за мной, код 25.12.4

– Такой код не должен был появиться на мониторе погруженной. Что произошло?

– Она была на грани клинической смерти. Что значит этот код?

– К сожалению, эта ситуация серьезная, – к разговору присоединился заместитель главного лица.

– Что это значит? – внутренне Смотритель был готов к тому, что ситуация вышла из-под контроля и проблема не самоустранится.

– Это означает пробойну в программе погружения, по сути мир, в котором пребывает погруженная для неё лично лишен целостности, и она ощущает больше, чем позволено. Следовательно, она может найти убедительный аргумент, что земная жизнь не единственная форма существования.

– Последствия?

– Смотритель, они могут быть самыми непредсказуемыми. Но разве вы не заметили, что в земном мире нарушен баланс? Постепенно все приближается к тотальной разбалансировке.

– Мы не можем устранить причины?

– Как? – второй заместитель выглядел спокойно, будто бы сложившаяся ситуация была штатной.

– Это же программа! – Смотрителю хотелось повысить голос, придавая нужный уровень эмоциональности своим словам.

– Программа с обоюдной регуляцией. Погруженные нарушают баланс по нарастающей.

– Атеизмом? Войнами?

– Они вмешиваются во все сферы жизни. Игнорируя этичность. Погруженные стали жестокими. Аморальными. Они затеяли «святые игры».

– Все понятно, кроме последнего определения, – Смотритель жадно хватался за возможность пообщаться, как можно дольше с посвященными.

– «Святые игры» с душами. Погруженные научились вмешиваться в процесс регуляции жизни. Не только от нас зависит ввод в состояние погружения душ. Мы вынуждены вводить и, нарушая программные установки, выводить из погружения души. Идет разбалансировка. И как это ни парадоксально: мы не имеем права на тотальное вмешательство. И погруженные не в силах кардинально влиять на неё. Запущена гиперпрограмма. Ответственных за неё среди них и среди нас нет, – главное лицо не стало скрывать от Смотрителя, являвшегося рядовым служащим, истинное положение дел.

– Они так ведут себя, потому что не верят в жизнь до рождения и возвращение к ней после смерти, – ему хотелось заступиться за погруженных, среди которых находилась его подопечная.

– Они не смогли найти доказательств.

Глава 31

После пребывания в больнице окружающий мир за её стенами приобретает новые очертания. Подумав о линиях и образах, ей захотелось как можно быстрее добраться до своей уютной студии и погрузиться в работу. Мечта организовать выставку собственных картин не покидала головы. В какой-то мере это было смешно и наивно руководствоваться мечтами. Подобное занятие позволительно детям. С годами человеку что-то необъяснимое запрещает тратить время на то, чему нет места в повседневности. Она не сумела изменить мечте, придававшей силы в самые отчаянные минуты жизни. И после короткого сближения со смертью мечта не утратила значимости. Напротив, она стала важным элементом жизни. Тем, что позволит человеку пускаться аккуратными мазками, но нарисовать свой след в бесконечной череде жизней.

Ада вызвала такси. Ожидание машины разрешило наглотаться свежего почти зимнего воздуха. Если бы можно было питаться воздухом и светом, она бы не оказалась на операционном столе.

Подъехавшее такси заставило устроиться внутри салона, пропахшего дешевым освежителем воздуха. Назвав адрес, Ада прикрыла глаза и принялась вспоминать фрагменты испытанного соприкосновения с миром, в который мало кто продолжал верить.

Глава 32

Изо дня в день в темноту бара погружались незнакомцы. Их лица не застревали в его памяти. Они сменяли друг друга, будто подчиняясь незаявленным правилам хаотичного движения людей в пространстве. Прошла пара недель, а она так и не появилась. Рыжеволосая девушка без имени. И только переполнявшая её грусть осталась за тем столиком, где она сидела. По непонятной причине ему стало её не хватать. Заподозрить себя во влюбленности Тимофей не смел. И не хотел. Не в его возрасте было влюбляться и обманываться иллюзиями. Анализировать чувство, пробившееся в его сердце, не имелось решимости. И это он, чуть меньше десяти лет назад отправлявшийся спасти людей из-под завалов и не пугавшийся огненной стены, начал тушеваться. Он просто устал. Любовь точно бы не разгрузила его душу от испытанных ощущений. Она ещё сильнее усложнила бы общее непонимание смысла жизни.

– Слышь, налей мне чего-нибудь, – прохрипел басом плотного телосложения коренастый мужик. Его сморщенный лоб и поджатые губы указывали на ту же апатию от существования, которую испытывал и бармен.

– Держи, друг, – Тимофей подтолкнул к одинокому человеку стакан с недорогим виски.

Получив в знак благодарности кивок головы, бармен убрал в кассу протянутые банкноты. Выпитый одним махом виски не разгладил лоб мужика. Но губы перестали быть сжатыми тонкой линией. Подобrevший он побрел вглубь зала, пытаясь найти на вечер ту, что также разочаровалась в жизни и самой себе. Настолько, что риск провести время с незнакомцем растворялся в ощущении тоски.

Доходить до такого уровня отчаяния Тимофею не хотелось. Не пожелал бы он увидеть и рыжеволосую девушку на месте того, кто выходит в двери бара под руку с кем-то таким же одиноким и разуверившимся в будущем.

Глава 33

Почти родные стены произвели умиротворяющее воздействие. И пускай это был не дом в классическом понимании этого слова, но здесь она нашла пристанище. За несколько месяцев студия стала единственным кусочком огромного мира, где можно было укрыться от невзгод и уединиться. От всех. Впрочем, никто и не пытался нарушить её одиночество. Для художника быть позабытым не самое худшее. Гораздо хуже никогда не заявить о своем таланте.

Ада опасливо посмотрела на пустой холст, на котором отсутствовали штрихи идеи. До приступа, загнавшего её на операционный стол, вдохновение валялось в обмороке от истощения. Она боялась, что после больницы оно тем более откажется подавать признаки жизни. Но нет. При виде белого холста перед глазами заиграли силуэты. Те самые, которые следовало припечатать кистью к бумаге.

По студии пронесся первый аккорд любимой музыкальной композиции, под которую Аде хотелось творить. И он показался не таким уж приятным. Поразившись неожиданному ощущению, она решила прослушать свою скромную коллекцию саундтреков, силясь определить, какой из них вызовет отклик. Её вкус разительно поменялся. Нью-эйдж, ранее вызывавший желание заткнуть уши, произвел приятное впечатление. Углубляться в поиски причин, побудивших сменить музыкальные предпочтения, не возникало желания. Ада торопилась приступить к занятию более важному.

На холсте уверенно появлялись аккуратные линии, превращавшиеся в силуэты, спрятанные в туманной дымке. Техника исполнения рисунка подверглась коррекции. Хуже не стала. Но теперь предыдущие картины из коллекции смотрелись обособленными. И уступали новой.

Усевшись на полу, она закрыла глаза, пытаясь взять себя в руки и определить дальнейший ход своих действий. Ада внимательно посмотрела на две картины, стоявшие рядом друг с другом. Определенно та, которую она написала последней, была лучше. Это означало, что создание коллекции придется начинать сначала. Впереди её ждали несколько месяцев упорного труда. Либо же она могла сделать ставку на те картины, что имелись, и проиграть. На фоне последней они смотрелись как жалкая подделка.

«Да, что со мной творится?»: Ада закричала в тишину. Ей так хотелось получить ответ. От кого-то, пускай даже невидимого.

Глава 34

На мониторе появлялись коды, объединенные общей тезой – тревога. Состояние погруженной не было опасным для её земного тела. Был затронут более глубокий уровень. И никто не решался прогнозировать исход ситуации.

Смотритель скрупулезно фиксировал в блокноте ежедневные показания с мониторов. Значение ни одного кода он не понимал. Неясным становилось его дальнейшее участие в данном проекте. Погруженная должна была продолжать свой путь на земле. Следовательно, и он должен был находиться рядом. Но что делать с происходившим сбоем в персональной программе, не имел представления. Впрочем, и ответственные за программу персоны также пребывали в неведении. Он не верил им. На протяжении стольких веков им приходилось решать многочисленные задачи и вероятность того, что среди них могла иметься аналогичная, была велика. Они не хотели облегчать ему задачу. В принципе таковое право у них имелось. Ему же следовало успокоиться и просто наблюдать. Так будто ничего не происходит. Погруженная действует. Он фиксирует.

Но отчего-то на душе становилось мутно. Самому себе он казался беспомощным и бесполезным.

Часть 2

Глава 1

Зимние месяцы пролетели заметно, но быстро. Как снежинки. Их хватило на создание коллекции картин. «Силуэты в тумане» внесли в каталог работ, представленных в главной галерее города. Создательница картин, вызвавших шумиху, спокойно восприняла массивированный штурм журналистами и приверженцами бомонда, желающими завести модное знакомство. С таким же безразличием она реагировала на собственные фотографии в ряде журналов. Статьи, в центре которых она фигурировала, Ада постаралась прочесть мельком, чтобы не расстроиться критикой, тем более перед поездкой в Лондон, куда её с картинами пригласил владелец Арт-холла. Предстоящее событие обдавало дрожью тело. Она мечтала о славе, но не задумывалась о таком аспекте как пристальное внимание непосредственно к ней лично. Считавшая саму себя обычной и может даже невзрачной, Ада посмотрела на себя глазами ценителей искусства. И вспомнила слова матери, настойчиво убеждавшей её в наличии красоты. Ей бы не помешала поддержка близких, но опасаясь снова ворваться в гущу конфликта, обосновавшегося в квартире семейства, решила не спешить с визитом. Тем более перед поездкой в Англию.

Глава 2

Жизнь обладает уникальным качеством резко меняться. Люди вторят ей. Некоторые опережают и кажутся самоуверенными, другие запаздывают, оказываясь теми, кто упустил шанс, а третьим удастся следовать в заданном темпе и попадать в струю. Художница, доверенная попечительству случая, не торопилась забежать вперед и не топталась на месте. Она просто делала нужные шаги.

Заходить в комнату погруженной не возникало потребности. Датчики указывали на допустимые значения нормы. Сбой в программе ликвидировался сам собой.

Вот только он помнил два месяца страданий его подопечной. Истерики чередовались с многочасовым созданием картин. От утомления она частенько засыпала на полу. Разве что исправно пила куриный бульон и заказывала доставку здоровой пищи.

Десять картин с силуэтами оборвали мучения художницы. Она затихла. Перестала прислушиваться к своим ощущениям. И наконец-то вышла на улицу.

Ему также следовало передохнуть. Она была не первой погруженной, и он уже устал от созерцания человеческой жизни. Он научился сочувствию. Это было его заданием. Испытанием. И, кажется, что он его выдержал. Но вот окончания работы не предвиделось, пока погруженная оставалась в земном мире. Если бы он не запоминал тщательно земные маршруты погруженных, может быть, не тяготился грузом впечатлений. Наблюдение за ними превращало его из статиста в страждущего. И он хотел поставить точку. Страдания бывают чрезмерными. Возможно, оправданными и даже нужными, но они высасывают столько энергии, что кажется вместо жизни образуется пустота. Такая зияющая громадина черного цвета, куда скатываются мечты и желания. И он уверенно катился в пропасть, залитую черным цветом, не находя причины для такого состояния.

В отличие от него, она сумела заглянуть в пустоту и устоять на ногах. И все для того, чтобы увидеть свет и совладать с новым открытием.

Глава 3

Тягучие дни, сдобренные прохладой, мешали работать. Ежедневно возвращаясь домой, она все сильнее испытывала непреодолимое желание сесть в машину и умчаться подальше. И он читал это в её глазах, получая дополнительное основание для изощренного скандала. У него отменно получалось выводить её из себя, даже не повышая голос. С ним она утрачивала адвокатскую сноровку и превращалась в типичную истеричку, какими она видела своих клиенток.

– Не спешишь домой. Сегодня задержалась на пятнадцать минут, – с этими словами Артур принялся медленно расстегивать часы, нарочно задерживая взгляд на циферблате.

– Ты, в самом деле, засекаешь время или просто с потолка берешь значения? – она попыталась придать небрежности своему голосу.

– Что ты, дорогая, я весьма пунктуален и не могу позволить себе упасть в грязь лицом, – он не попался на уловку.

– А я типа в грязи каждый день валяюсь, – не вспылить она уже не могла.

– Тебе виднее, в каком ты находишься состоянии.

– Ты на что намекаешь? – нервная дрожь била Милану.

– Не подумай, что я пытаюсь вернуть тебя к твоему прошлому, – после того, как Артур узнал о наркотической зависимости избранницы, не упускал возможность напомнить ей о позоре.

– Ты что прикидываешься или реально такой моральный урод?

– Поаккуратнее со словами. Помни, ты теперь мне законная жена.

– И к чему ты это ведешь?

– Если тебя заподозрят в употреблении, что ты там предпочитаешь, мне придется взять тебя под опеку, как недееспособную.

– Наркоманы не психически больные, и меня ни в чем не заподозрят, – голос Миланы звенел между стенами дома. Она с ужасом осознавала, какую ошибку совершила, выполнив отцовское требование.

– Ни от чего не следует зарекаться. Когда успокоишься, советую отправляться в спальню, – он сохранял спокойствие, что было явной фальшивкой. Решив, что он довел её до нужного градуса нервозности, Артур вышел из гостиной.

– Никогда, – она закричала ему вслед и помчалась на улицу.

– Стой, – на Артура не было похоже проявление заботы, но он не ожидал, что она нарушит его планы.

Сорвавшаяся с места машина набирала скорость.

Глава 4

Ожидание. Оно заставляет считаться со временем. В аэропорту время и вовсе носит особенный характер, причем к каждому из находящихся в зале оно относится индивидуально. Неожиданно она задумалась над тем, какие взаимоотношения у неё лично установились с невидимым контролером жизни. Она не спешила. Время не торопило. Все замерло, кроме окружающих людей. Невольно она принялась всматриваться в лица незнакомцев. Почти все они вовлеклись в сложный процесс борьбы с отметкой на часах. Их раздражало ожидание. Им нечем было себя занять.

Ада подошла к окну, демонстрировавшему самолеты. Внутри зашевелился страх. Впервые ей придется сесть на борт воздушного судна и отправиться в небеса. Она никогда не видела на расстоянии вытянутой руки многотонные облака, таинственным образом висевшие в воздухе. Такая встреча стоила риска.

Объявление о начале посадки вырвало из размышлений. И Ада покорно зашагала вместе с другими пассажирами в сторону терминала.

Внутри самолета пришлось вернуться к ожиданию. Предложенная стюардессой газета оказалась своевременной. Листая новостные полосы, Ада не пыталась вчитываться в заголовки. Но один из них нельзя было пропустить. Под ним разместились скромная заметка. Среди скудных строк промелькнула короткая жизнь человека.

От прочитанного Ада испытала грусть. Заказчица, нарочито подчеркивавшая финансовое превосходство, не сумела вызвать у художницы отвращения, напротив, Ада сочувствовала человеку, кичившемуся домом и деньгами. Ими успешная адвокатесса прикрывала кричащие неудачи. Она была несчастна. От счастливой жизни не мчатся в ночь, накачавшись запрещенными препаратами, и не разбиваются.

Отложив в сторону газету, она задумалась о сестре. Агата тоже была несчастна. Вокруг неё такими же становились другие люди. И только она – Ада сумела поступить эгоистично и верно. Но все равно было грустно.

«Я обязательно с ней встречусь»: эта мысль дала докучливой совести основание на время умолкнуть.

Глава 5

Свинцом отливали стены длинных коридоров, сливавшихся в сеть туннелей. По ним неслышно бродил холод, изредка сталкиваясь с молчаливыми служащими. И он не был исключением. Скорее чувствовал себя родственным этому незримому обитателю Башни. Вот и сегодня он прохаживался по коридорам, чтобы отвлечься. Рассчитывать на короткую беседу с кем-нибудь из коллег не приходилось: служащие уровня действовали, как роботы, полностью устранив эмоции. И он был таким же. Когда поступил на службу. Что-то изменилось. Но куда страшнее была мысль о земной жизни. Временная. Тяжелая. Она стала казаться какой-то увлекательной. И это пугало.

При виде коллеги Смотритель приостановился. Легкий кивок головы отсекал всяческие попытки начать беседу.

Дойдя до залы с многочисленными балконами, он почувствовал прилив сил. За окнами виднелись просторы, наполненные красотой. 278 этаж позволял лицезреть панораму уровня Погружения. Если не принимать во внимание деятельность Башни, уровень казался привлекательным для экскурсий. Километровые по высоте горы упирались в нависавшую волнами сгущенную атмосферу. Внизу простирались пески, не разбавленные оазисами с зелеными насаждениями и уж тем более, здесь не имелось океанов, морей и рек. На уровне Отдыха, откуда он был откомандирован, пространство включало обилие света и всюду были зелень и вода. Здесь же не было темноты, но бардовые оттенки вечного заката обязывали грустить. Он не хотел здесь находиться в отличие от коллег, решивших отправиться на уровень Знаний, а потому обязанных пройти Погружение. Он был не прочь наслаждаться гармонией Отдыха вместе с родственными душами. Оставалось надеяться на сохранность желаний до окончания срока пребывания в месте, погруженном в багровую прохладу.

Глава 6

– Я испытываю за неё гордость, – пожилой голос женщины звучал не так, как прежде.

Женщина аккуратно положила на журнальный столик модный журнал, освещавший культурные события города. Взгляд не постаревших глаз задержался на развороте со статьей и фотографиями с художественной выставки.

– Это нормально для матери, – ответ мужа был вполне ожидаем. В этот момент ему хотелось приблизиться к измотанной жизнью супруге и обнять её, как тогда в молодости, когда уснувшие дочери давали возможность родителям предаться взрослым заботам.

– И мне грустно, что она не с нами, – женщина отошла от столика, повернувшись спиной, чтобы скрыть навернувшиеся слезы. Меньше всего она хотела показывать их мужу.

– Она бы не достигла тогда успеха.

– Ты прав. Мне так больно за Агату. Почему она не такая, как Ада?

– Милая, человеку не дано такое право выбирать удобную болезнь. А болеют почти все. Наверное, так положено.

– Ты говоришь страшные вещи, – она громко вздохнула, не пытаясь продолжить реплику.

– И ты со мной согласна, – он уловил её нежелание создавать дискуссию.

– Да, – снова голос потух, как лампочка, но не так, когда она перегорает, а когда кто-то внезапно отключает подачу электроэнергии.

Повисшая в комнате тишина сконцентрировалась вокруг нечужих людей, отчужденно стоявших по разные стороны маленького стола с лежавшим на нем поводом для ракурса по пройденным годам.

Глава 7

Хитроу* встретил прибывших гостей влажным воздухом и не успевшим ретироваться туманом. Это было лучшее приветствие от города, в котором ей предстояло провести пару недель. Удивительное везение, как для человека, не имевшего лишних средств для путешествий и всегда грезившего о знакомстве с новыми странами. Владелец галереи оплатил не только перелет художнице, но и аренду номера в небольшом отеле. А вот о трансфере из аэропорта в Вестминстер, где собственно и находилась маленькая галерея, рядом с известным Tate Britain, гостя должна была позаботиться самостоятельно. Досадное упущение со стороны мистера Чарльза, но простительное. Ада располагала временем, чтобы поискать нужную информацию в Интернете и проложить свой маршрут. А элементарное знание английского языка позволило узнать у прохожих, как добраться до остановки лондонского автобуса, следующего до школы Вестминстер.

Находясь в салоне автобуса, она почувствовала легкость. Появилось необоснованное чувство причастности к лондонскому социуму.

За окнами мелькали ухоженные улицы и дома, построенные в классическом стиле. Имелись и современные постройки. Но все, как она и ожидала, соответствовало английской сдержанности.

Волнение вернулось, когда она сошла на своей остановке. Прикидывая, у кого бы поинтересоваться, куда следует свернуть, чтобы попасть в галерею, она услышала звонок мобильного телефона. Пауза в знакомстве с английской столицей точно не была лишней. А звонившим человеком оказалась секретарь Чарльза, приносившая извинения из-за доставленных неудобств и просившая художницу назвать место своего пребывания, чтобы за ней была отправлена машина.

Глаза Ады лихорадочно искали табличку с названием улицы. Прочитав написанное на маленьком куске металла, прикрепленном к дому, Ада мысленно поблагодарила Чарльза, что он вовремя одумался и не оставил её одну в центре красивого города, но яростно чужого, что ощущалось с каждой минутой все сильнее.

Глава 8

Бессонница была верна ему. И от её присутствия он был готов отказаться, вот только она к нему прониклась безумной симпатией. И ему приходилось подчиняться ей. А ночь в паре с бессонницей заставляла прислушиваться к воспоминаниям. Ему было, что вспоминать. Ужасы, связанные со службой, въедались в мозг. И время их не делало блеклыми. Напротив, нередко они вспыхивали яркими красками. Как пожары, которые приходилось тушить. Воспоминания имели не только цвета, но и звуки. Это были крики. И их не удавалось заглушить даже по прошествии стольких лет. Он многим помог. Но многих не спас.

Чувство вины разъедало изнутри. Он помнил лица тех, кто в последний раз смотрел на окружающий мир. Каждый раз, вспоминая глаза, становившиеся стеклянными, он задумывался о смысле жизни.

И все чаще он его не находил. Он был готов потеряться. Исчезнуть, будучи ещё живым. Помог случай. Просто он оказался нужным другу. Семена атаковали охочие поживиться шальными деньгами. Хитрый, но совершенно не смелый владелец бара нуждался в настоящей защите. И Тимофей дал ему это.

Появилось ощущение нужности. А ещё возник и долг – работа.

Глава 9

Устроившись удобно перед широченным экраном, он внимательно всматривался в детали. Но те тонули в потоке многочисленных дней. Важные детали. Мелочи. Совершенно незначительные в планетарном масштабе действия. Они просто накапливались, формируя целый портрет того или иного человека. Вот только увидеть этот портрет могли избранные. Те, кому полагалось вникать в общее и частное, смотреть на панораму и всматриваться в детали.

В этот раз он углубился в изучение ретроспективы жизни отдельно взятых людей, проживавших в провинциальном городе европейской страны.

Глаза Смотрителя выхватывали блондинку в годах, аккуратно просовывающую носовой платок в кейс своего пожилого мужа, но так чтобы он не заметил этого. Каждый будничным день её супруг выходил из дому и направлялся на автобусную остановку. В ожидании транспорта он частенько пытался отыскать платок в карманах пальто или брюк, и всегда находил его в своем потрепанном кейсе. И она знала, что её никому незаметная забота катастрофически необходима единственному близкому человеку.

Мимо сгорбившегося старика на скейте проносился мальчишка, направлявшийся в школу. Он никогда не брал с собой портфель. Родители так часто скандалили друг с другом, что забывали приготовить для него сэндвичи на обед. Но всякий раз в своем школьном шкафчике, куда он залазил, чтобы взять учебники и тетради, он находил бутерброды в пластиковом боксе. И каждый раз он озирался по сторонам, но никто не казался подозрительным. Он умел аккуратно поступать, хотя это и не входило в обязанности учителя младших классов.

А спустя несколько часов, когда наступало время спешить на работу, на улице появлялась стройная девушка, держа в руках сверток. Внутри него был скромный обед, приготовленный ею для бездомного старика, решившего поселиться в парке. Убедившись, что тот принял трапезничать, она ускоряла шаг и направлялась к маленькому офису, в котором она исправно справлялась со скучными обязанностями клерка.

Все эти неизвестные люди заставляли его улыбаться. Пока в мире была жива доброта, имело смысл все то, что делалось на многоуровневой высоте.

Глава 10

Черный автомобиль бизнес-класса подъехал достаточно скоро, настолько, что она не успела забеспокоиться. В чужой стране по самому незначительному поводу возникала тревога. Незнание порождает страх. А ведь она хорошо владела английским языком и не была стеснена финансово, но все эти факторы не придавали уверенности. Она не успела задуматься над тем, почему боится.

Водитель помог Аде сесть на заднее сиденье и захлопнул дверь. Предвкушая встречу с Чарльзом Ли, она задумалась над тем, как он выглядит вживую, на фотографии он смотрелся презентабельно. Даже слишком. Если бы не информация о нем, в достаточном объеме имевшаяся в глобальной паутине, она бы безусловно засомневалась в безопасности своей поездки. Поймав себя на недоверии, базировавшемся на национальных аспектах, она укоризненно покачала головой. Стереотипность мышления её разочаровывала. Даже в самой себе.

Дорога к галерее заняла меньше получаса. Она успела набросать в памяти схематическое расположение зданий, чтобы иметь маломальское представление о той части города, в которой находилась галерея. У дверей здания, построенного в современном невычурном стиле, стоял высокий японец, одетый в солидный костюм черного цвета. Выражение его лица было спокойным. Именно таким, какое вызывает доверие у окружающих. Подходя к нему, Ада порадовалась, что не отклонила его предложение и отправилась с визитом в туманную Англию. Туманы были ещё одним обстоятельством, побудившим её разбавить свою повседневность переменами.

– Рад вас видеть, миссис Ада Аристина. Примите мое восхищение. Ваши работы заставили меня размышлять. Но более детально своими впечатлениями от серии «Силуэты в тумане» я поделюсь с вами, когда вы отдохнете после дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.